

Е. И. ВАНЕЕВА

К изучению истории текста Сербской Александрии

(На материале ленинградских списков XV—XVII вв.)

Средневековый роман, который называют Сербской Александрией, в России появился не позднее XV в., поскольку самый древний русский список его относится к концу этого столетия.

Этот переводный памятник пришел к нам от южных славян, которые перевели и, возможно, при переводе несколько переработали греческий текст. А. Н. Веселовский, занимавшийся вопросом происхождения Сербской Александрии, считал, что роман был создан на греческом языке, а время составления греческого подлинника определял XIII или XIV столетием.¹

Сербская Александрия (греческий оригинал ее) представлял собою одну из поздних переработок романа об Александре Македонском, созданного значительно раньше, чем Сербская Александрия («Деяния Александра» Псевдо-Каллисфена). Сербская Александрия — это не историческое повествование о македонском царе Александре; в ней исторические элементы тонут в фантастических дополнениях, она, можно сказать, насыщена всякими элементами чудесного. Поскольку в дальнейшем придется привести ряд примеров, то для того, чтобы было ясно их место в тексте, позволяю себе кратко пересказать роман.

Подлинным отцом Александра в романе является египетский царь и волхв Нектонав, обольстивший Олимпиаду. Начав царствовать, Александр отправляется завоевывать окрестные земли: покоряет Афины, посещает Рим, Трою, — где ему приносят книгу Омира о троянском разорении, — Иерусалим, приходит в Египет, где его признают наследником царя Нектонава. Много места в романе занимает описание войны с персидским царем Дарием. После смерти Дария Александр женится на его дочери Роксане, а затем отправляется дальше на восток, путешествует по невиданным землям с фантастическими обитателями: ему встречаются кентавры, люди шестирукие и шестиногие, одноногие люди с овечьими хвостами и другие необычные существа. Александр доходит до острова блаженных (или нагомудрецов), потомков Сифа, добродетельно живущих около рая. Рай видеть никому не дано, и Александр его тоже не видел. Там, на краю земли, встретили Александра две птицы с человеческими головами и велели ему идти из этих дивных земель в Индию на царя индийского Пора. В поединке Александр побеждает Пору, становится господином Индии. После этого он идет войной на амазонок, но царица их присылает ему 100 девиц и письмо, где пишет, что победить женщин — честь невелика,

¹ А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести, вып. 1. СПб., 1886. с. 444—445.

а быть ими побежденным — позорно. В ответ Александр не только не вступает в войну, но и девиц отпускает домой. Выдав себя за своего воеводу Антиоха, Александр помогает царю Кандавлу и вместе с ним идет послом к его матери царице Кандакии, по пути посещает пещеру мертвых. На протяжении всего романа Александру покровительствует пророк Иеремия, с которым он встретился, когда был в Иерусалиме. Перед смертью Александра Иеремия является ему во сне и предупреждает, что ему пришло время умереть. Александр возвращается в Вавилон, там он делит свои земли между воеводами. Роман кончается рассказом об отравлении и смерти Александра и самоубийстве его жены Роксаны.

В России охотно читали и переписывали Сербскую Александрию: дошло много русских списков, начиная с XV в., когда она у нас появилась, и кончая XIX в.

Восстановление истории текста Сербской Александрии в России, т. е. выяснение, каким был пришедший к нам текст и был ли он единственным, как он изменялся и что оказало на него влияние, требует изучения всех русских списков романа, которых более 200, выявления их взаимных связей.

В 1965 г. был издан древнейший русский список — из Кирилло-белозерского сборника Ефросина.² Сопоставление текста Александрии у Ефросина с другими русскими текстами обнаружило ряд черт, с одной стороны, общих всем русским спискам, а с другой — не свойственных южнославянским: одинаковые заголовки, общие пропуски, вставки, сокращения (по сравнению с южнославянскими).³ Например, в русских списках Сербской Александрии имеется значительный пропуск в том месте, где в южнославянских текстах Александр посылает Дарию с персидским послом Клитовнушем грамоту и сосуд с перцем, чтобы Дарий, съев перец, узнал храбрость македонских воинов. Затем рассказывается, что Александр собрался идти войной на селурского царя Архидона, а тот, узнав о намерении Александра, поспешил прислать послов с грамотой и дарами. В тексте русских списков нет конца грамоты Александра к Дарию, где упоминается сосуд с перцем, а следующий за этим эпизод — о походе на селурского царя — начинается словами: «В то же время приидоша послы от Архидона». Таким образом, нет рассказа о намерении Александра пойти войной, об испуге селурского царя и нет текста его письма к Александру. Наличие общих черт позволило предположить, что все русские списки отражают русскую редакцию памятника. В этой редакции был выделен Ефросиновский вид, к которому, кроме Кирилло-белозерского, принадлежат еще 47 списков, и были определены все существенные отличия этого вида от южнославянских текстов. Кроме того, была намечена классификация остальных русских списков, в основу которой положено различное отношение рукописей к особенностям Ефросиновского вида. Списки были разделены на три группы:

1) близкие к Ефросиновскому виду (например, Q.XVII. 209, Q.XVII. 252);

2) имеющие сходство — в результате вторичного сближения вариантов — с Ефросиновским видом и с южнославянскими списками (например, собрание Погодина, № 1772);

3) сходные с южнославянскими во всем, за исключением общих черт русской редакции.

Разработка этой классификации требует более детального просмотра рукописей, с тем чтобы выявить их взаимные связи, отношение к южно-

² Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. Издание подготовили М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье и О. В. Творогов. М.—Л., 1965.

³ Там же, с. 207—209.

славянским спискам и к Ефросиновскому виду. Данную статью можно рассматривать как начало такой работы. Были просмотрены ленинградские списки XVII в. из БАН, ГПБ и ИРЛИ: БАН, 16.16.46, 17.5.31, 17.11.2, 28.6.37, 38.2.20, собрание Дружинина, № 937 (далее: Друж. 937), Текущие поступления, № 614 (далее: Тек. пост. 614); ГПБ Q.XV.13, Q.XV.27, Q.XV.31, Q.XV.48, Q.XV.49, Q.XVII.169, Q.XVII.209, Q.XVII.223, Q.XVII.252, собрание Вяземского, Q.71 (далее: Вяз. Q.71), собрание Погодина, № 1703 (далее: Погод. 1703), собрание Погодина, № 1708 (далее: Погод. 1708), собрание Погодина, № 1772 (далее: Погод. 1772), Соловецкое собрание, № 1171/1062 (далее: Сол. 1171/1062), собрание СПб. ДА, № 298 (далее: ДА 298), собрание Титова, № 724 (далее: Тит. 724), собрание Титова, № 3853 (далее: Тит. 3853), собрание Яворского, № 41 (далее: Явор. 41), Новое собрание рукописных книг, 1944.186.Q (далее: НСРК 1944.186.Q); ИРЛИ, коллекция Пухальского, № 6 (далее: Пух. 6). При сопоставлении списков учитывался Ефросиновский список XV в.; списков XVI в. в ленинградских собраниях нет.⁴ Всего 28 списков (кроме не относящихся к данной работе рукописей, содержащих Сербскую Александрию Ефросиновского вида, украинской редакции, Хронографическую Александрию и нерусских по своему происхождению рукописей — сербских, болгарских).

Для их классификации оказались полезными некоторые отличия Ефросиновского вида от южнославянских текстов, пропуски или перестановки в тексте, общие для нескольких рукописей. Назовем наиболее важные из них, чтобы в дальнейшем можно было ограничиться краткими ссылками.

1. Пропуск «Архидон» — это название даем приведенной выше особенности текста в русских списках Сербской Александрии.

2. Пропуск «Змий»: дарю Филиппу, отцу Александра, снится сон о рождении сына, после этого сна пролетающий орел роняет рядом с Филиппом яйцо. Филипп в испуге вскакивает с постели, яйцо падает и разбивается, из него вылезает змей, который, обойдя вокруг яйца, умирает, когда пытается в него опять влезть. Философ Аристотель говорит Филиппу, что сон его истинен. Затем приходят вестники из Македонии, сообщающие о рождении Александра, и Филипп идет в Македонию. В Ефросиновском виде после того, как падает яйцо, сказано: «Филипп с постели скочи и скоро поиде в Македонию»; не упоминается ни змей, ни Аристотель, ни вестники.

3. Эпизод македонского посольства к царю Дарию. Под видом посла к нему приходит Александр; Дарий удивлен многоценным одеянием посла; следует пир, во время которого Дарию говорят, что посол — это сам Александр. Дарий уходит для совета с вельможами, а Александр тем временем снимает с себя одеяния, надевает волшебный перстень, делающий его невидимым, и тайно уходит. В тексте Ефросиновского вида Александр снимает свои одежды раньше, сразу после того, как Дарий удивлен этими одеждami.

4. В южнославянских текстах Александр оставляет своим заместником в Персиде воеводу Селевка, затем вместе с Филоном путешествует по волшебным землям. Наместничеству Селевка в Персиде противоречит то, что в другом месте романа, как в южнославянских, так и в русских текстах, Филон, а не Селевк называется «господином персов», а при разделении земель Филон получает «перское господство». В Ефросиновском виде этого противоречия нет: Александр оставляет в Персиде Филона, а в путешествиях его сопровождает Птоломей.

⁴ XVI в. датируют список в ГПБ АН УССР, собр. Киевского университета, № 24, текст которого ближе к южнославянским текстам, чем русские тексты.

5. Значительное расхождение есть в конце романа, — назовем этот эпизод «Аристотель в Вавилоне»: в том месте, где Александр, узнав от пророка Иеремии, что пришло время ему умереть, возвращается в Вавилон и к нему из Македонии приходит Аристотель с дарами и письмом от Олимпиады, Александр устраивает пир, где читает письмо. До этого места текст Ефросиновского вида соответствует южнославянскому, а затем они расходятся.

Южнославянские

Письмо Олимпиады.

Некий человек украл золотую роменчу (сосуд); беседа Александра с его вельможами о тщете богатства, о даяниях.

История о старом персе, красившем волосы.

О трусливом муже по имени Александр.

История о «гусарех».

О стрельце-индейце.

Некий воин попросил Александра помочь составить приданое дочери.

Александр одарил Аристотеля и отправил его в Македонию.

Некий человек нашел сокровище в реке Тигр.

Приходит Олимпиада из Македонии.

Ефросиновский вид

Письмо Олимпиады (окончание письма другое, чем в южнославянских).

Александр одарил Аристотеля и отправил его в Македонию.

Некий человек нашел сокровище в реке Тигр.

История о «гусарех».

О стрельце-индейце.

Приходит Олимпиада из Македонии.

Ефросиновский вид отличается иным порядком рассказов и числом их — весь текст вдвое короче.

Рассмотрение перечисленных рукописей начнем с небольшой группы списков: БАН — 16.16.46; ГПБ — Q.XV.27, Q.XV.48 и Q.XVII.209. Они выделяются своим сходством друг с другом и с Ефросиновским видом. Вместе с текстами Ефросиновского вида эти рукописи имеют пропуск, обозначенный как «Змий» (кроме Q.XV.27, где недостает нескольких листов, но поскольку текст Q.XV.27 во многих других случаях сходен с Q.XV.48, Q.XVII.209 и 16.16.46, то присоединяем его к этой группе). Совпадают с Ефросиновским видом они и в конце романа — в эпизоде «Аристотель в Вавилоне», — в порядке следования рассказов и в количестве их (опять-таки одно исключение — в рукописи 16.16.46, где в конце много пропусков и сокращений и весь эпизод тоже очень краток). Спутником Александра в волшебных землях в этих списках является Птоломей, а наместником в Персиде — Филон, что тоже свойственно Ефросиновскому виду. У них есть и общие с этим видом ошибки, например: Александр пишет Дарию, что македоняне будут для него «паче пернатых орлов», чему в южнославянских текстах соответствует «паче пыпренехъ зръв лютеишии» (хуже, чем зерна перца); вместо слов «типане фарижи» (речь идет о конях) в 4 списках, как и в Ефросиновском виде, — «тимпани и органи» (это уже музыкальные инструменты). Для Ефросиновского вида характерны две такие особенности: когда Александр приходит в Трою, жители приносят ему книгу «о разорении И е р у с а л и м у», тогда как обычно — книгу «о троянском разорении» (в некоторых рукописях — «отроком о разорении»); второй особенностью является дополнение: после слов о смерти Александра в Ефросиновском виде читается: «. . . аггел господень в тои час душу из него изят и несе, иде же бог ему повеле» (в южнославянских текстах этого дополнения нет). Книга «о разорении И е р у с а л и м у» встречается в Q.XV.48 и 16.16.46. В Q.XV.27 и Q.XVII.209 — «о троянском разорении». Дополнение «ангел» чи-

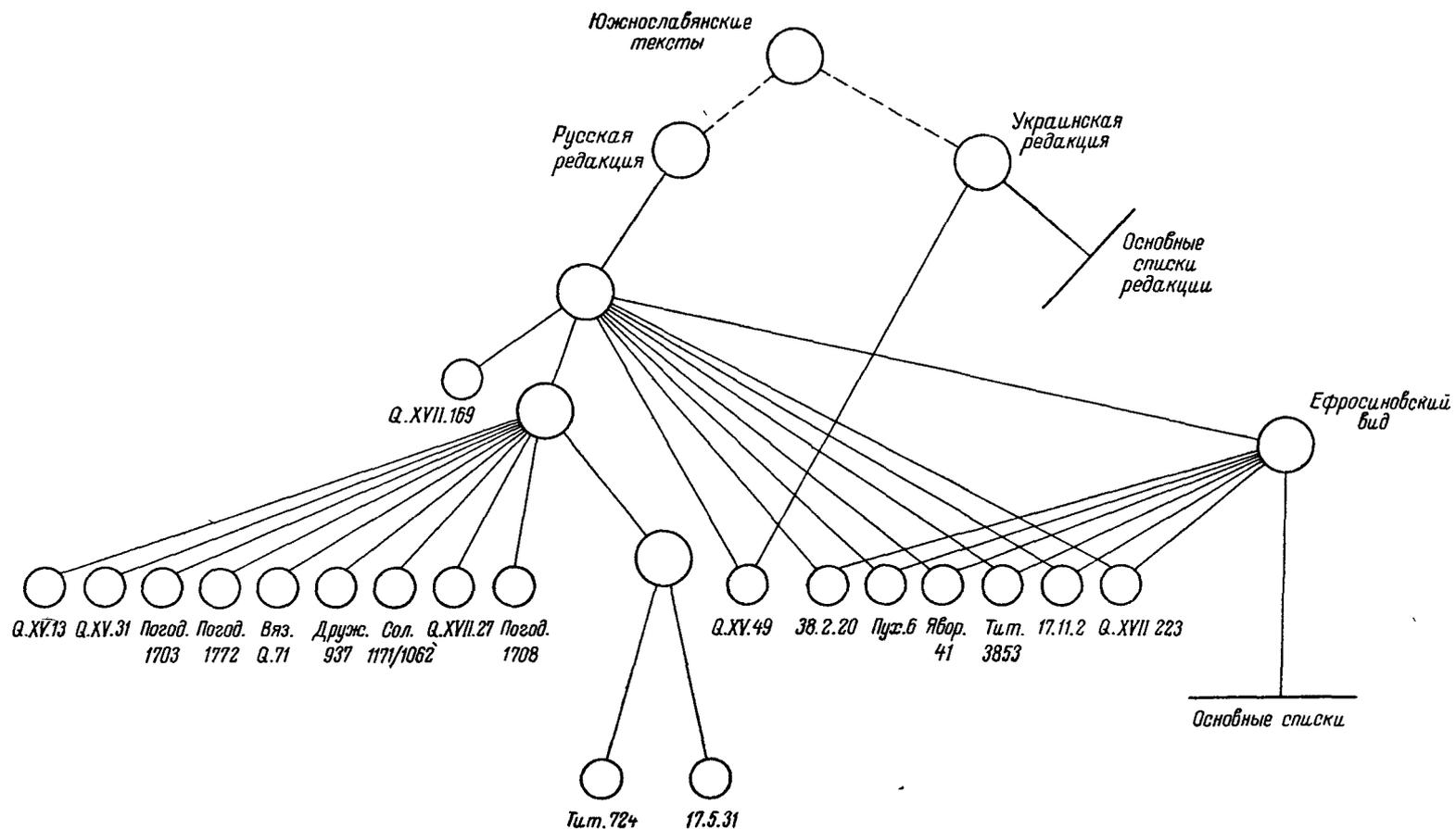

Схема взаимоотношения привлеченных списков Сербской Александрии.

тается только в одной из 4 рукописей — Q.XV.27, но в остальных трех рукописях в конце романа не только нет «ангела», но недостает и других рассказов, читающихся, кажется, во всех видах Сербской Александрии. Чтение «Иерусалиму» является признаком Ефросиновского вида, но отсутствие его (замена «троянским разорением») совсем не означает, что список не принадлежит к этому виду. То, что здесь вместо «разорения Иерусалиму» читается осмысленное и правильное «троянское разорение», можно рассматривать как свидетельство образованности писца, тем более что этому сопутствует и другое изменение в этом же эпизоде: Аполлон, названный в Ефросиновском виде «треагадскы царь», в списках Q.XVII.209 и Q.XV.27 является «троянским царем». Поэтому, несмотря на отсутствие одного из двух главных признаков Ефросиновского вида или даже обоих, как в списке Q. XVII. 209, есть основания отнести данные 4 текста к Ефросиновскому виду, считая их некоторым ответвлением в пределах этого вида.

Остальные списки для рассмотрения разделим на три группы: 1) 12 сходных между собой, более близких к южнославянским текстам, чем к Ефросиновскому виду; 2) 7 рукописей, которые нельзя отнести к какому-либо определенному виду, непохожих друг на друга; 3) 5 весьма неполных рукописей, о которых скажем в конце (две первые группы, — см. схему).

Первую группу из 12 списков в дальнейшем будем называть Мышецкой группой — по имени владельца одного из списков (Q.XVII.169). Их шифры: ГПБ, Q.XV.13, Q.XV.31, Q.XVII.27, Q.XVII.169, Вяз. Q.71, Погод. 1703, Погод. 1708, Погод. 1772, Сол. 1171/1062, Тит. 724; БАН, 17.5.31 и Друж. 937. Объединяет эти рукописи то, что они на протяжении всего текста романа близки к южнославянскому тексту (ближе, чем Ефросиновский вид и остальные рукописи). В них есть черты русской редакции, т. е. они общего происхождения с Ефросиновским видом, но нет отличий, свойственных именно этому виду: нет «ангела», «Иерусалима», целиком читается рассказ об орле, падении яйца и смерти змея (текст во всех 12 списках совершенно одинаков и совпадает с южнославянским); Александр снимает одежды как в южнославянском тексте; нет ошибок Ефросиновского вида — «пернатых орлов» и др. Кроме того, в эпизоде «Аристотель в Вавилоне» текст читаемого письма Олимпиады во всех списках не закончен (как и в Ефросиновском виде, но без его дополнения), и в 8 списках (Q.XV.13, Q.XV. 31, Погод. 1703, Погод. 1772, Тит. 724, 17.5.31, Вяз. Q. 71 и Друж. 937) вслед за прерванным (в одном и том же месте) письмом читается такой текст: «. . .ничто же злата ползова много злата собрал бяше». Если посмотреть в южнославянский текст, то выясняется, что это слова из окончания беседы Александра с вельможами, которая была вызвана кражей роменчи (сосуда). Затем в этих списках читается вопрос к Александру о дани, история о старом персе, красившем волосы, и следующие рассказы, которые по порядку своего расположения совпадают с текстом южнославянских списков. По явной случайности и бессмысленности пропуска трудно предположить, что он мог быть сделан разными писцами независимо друг от друга; очевидно, списки имели его в своем оригинале. В списке Q.XVII.169 письмо Олимпиады закончено словами, которых нет в южнославянском тексте, нет и в Ефросиновском виде, но которые в точности совпадают с окончанием предыдущего обращения Олимпиады к Александру. Нет непонятной фразы о «злате», сразу за письмом следует вопрос о дани и все дальнейшие рассказы. В Сол. 1171/1062 письмо Олимпиады не закончено, а за ним читается рассказ о старом персе и следующие. Общее у Сол. 1171/1062 и Q.XVII.169 с предыдущими 8 рукописями — это то, что в них тоже нет ни кражи роменчи, ни начала беседы с вельможами (и пропущенный текст в них еще больше).

Но, может быть, писцы Сол. 1171/1062 и Q.XVII. 169 сознательно пропустили (и изменили) непонятное место, которое было в их оригиналах.

В Погод. 1708 и Q.XVII.27 эпизод «Аристотель в Вавилоне» сильно сокращен, как, впрочем, и рукописи в целом. К группе, имеющей одинаковый пропуск, присоединяем их предположительно, на основании общего сходства.

Наиболее близкой к южнославянскому тексту в этой группе является рукопись Q.XVII.169. В ней есть южнославянские чтения, которых нет во всех остальных списках, нет некоторых изменений, встречающихся в русских списках, например: Александр получает дары от покоренных вавилонян и в числе их «сто лвов в златых в е р и г а х и тысячу п а р д у с о в л о в н ы х» — так читается в южнославянских текстах. В Q.XVII.169: «. . .сто лвов во златых чепех и 1000 пардусов ловных»; в Ефросиновском виде и в просмотренных рукописях (кроме Тит. 724 и БАН, 17.5.31) — «100 лвов в златых рязезех и 1000 псов ловных и борзых». «Чепи» могли появиться даже в том случае, если в оригинале у писца были «рязези», но чтобы из «псов ловных» получились «пардусы ловные» и чтобы это случайно совпало с чтением южнославянских текстов — представляется маловероятным. Среди рассмотренных нами списков текст Q.XVII.169 можно считать во многих отношениях наиболее близким к протографу русских списков Сербской Александрии.

В Ефросиновском виде, древнейший список которого относится к XV в., Я. С. Лурье были отмечены два случая, когда текст представляется более первоначальным, чем текст южнославянских списков.⁵ Во-первых, Филон — наместник и Птоломей — спутник, т. е. в Ефросиновском виде нет противоречия южнославянского варианта рассказа о Филоне и Селевке, ибо здесь Александр оставляет своим наместником в Персиде Филона, а путешествует после этого с Птоломеем, что вполне согласуется с дальнейшей ролью Филона — именованном его «господином персов», «Дариевым наместником» и получением им Персиды при разделении земель. Но является ли эта непротиворечивость, последовательность в рассказе признаком первичности? Вопрос о наместнике и спутнике довольно-таки неясен. В греческом списке (Иверском)⁶ Сербской Александрии наместником остается Филон, но Филон же и сопровождает Александра в хождении его по волшебным землям, так что здесь совсем странное, откровенно противоречивое сочетание. Интересно, что оно (Филон — наместник и Филон — спутник) встречается и в некоторых русских текстах (из Мышецкой группы). В рукописях этой группы читается и южнославянский вариант (Селевк — наместник в Персиде, а Филон — спутник), и вариант Иверского списка, и даже такой: Филон — наместник в Персиде, а путешествует с Александром Антиох, при этом нельзя сказать, что этот последний вариант был бы хуже Ефросиновского, — в отношении последовательности текста. Но эта последовательность (так же как и в Ефросиновском виде) представляется скорее исправлением первичной непоследовательности. Естественнее предположить, что в оригинале было сочетание Филон — наместник и Филон же — спутник, которое либо воспроизводилось, либо ввиду невразумительности исправлялось. Но возможно, что сначала было как в южнославянских текстах: Селевк оставался в Персиде, а Филон путешествовал; затем как-то получилось, что Филон и оставался, и путешествовал одновременно, а затем — все дальнейшие варианты.

⁵ Александрия. Роман об Александре Македонском. . . , с. 202.

⁶ Издан в кн.: В. И с т р и н. История Сербской Александрии в русской литературе, вып. I. Одесса, 1910.

Неясным остается вопрос со словом «шилатики», дважды встречающимся в Ефросиновском виде (при описании битв), которого нет в южнославянских текстах (и в текстах Мышецкой группы), — там вместо этого «рогатики», «рогатинь», «палицы». В Иверском (греческом) списке в одном случае слову «шилатики» соответствует τὰ πελατικά.

Эти два чтения Ефросиновского вида, как нам кажется, не противоречат предположению о том, что текст Q.XVII.169 в целом ближе к протографу, чем Ефросиновский вид.

В особую подгруппу следует выделить две рукописи — Тит. 724 и БАН, 17.5.31. В отличие от всех 17 рукописей и Ефросиновского вида в волшебных землях вместе с Александром путешествует не Филон и не Птоломей, а Антиох. Сходство двух рукописей проявляется не только в этой особенности, но и во многих других чтениях. Так, только в Тит. 724 и БАН, 17.5.31 дважды вместо воеводы Антигона называется Визант: в начале романа, когда Александру, начинающему царствовать, воеводы его дают советы, — Филон, Селевк, Антиох, Антигон, Птоломей; и в конце, при перечислении воевод: Филон, Птоломей, Селевк, Антигон и Антиох. Еще один маленький пример сходства этих рукописей — вместо львов и «рятезей» в них читается: «100 волов во златых телегах и 1000 псов ловных».

Семь рукописей — Q.XV.49, Q.XVII.223, Тит. 3853, Явор. 41, БАН, 17.11.2, 38.2.20 и Пух. 6 — сложнее по своей структуре, чем рукописи Мышецкой группы или Ефросиновского вида. Отличительной чертой их является отсутствие сходства в целом как с указанными видами, так и между собою. Предположительно можно сказать, что рукописи этой группы имеют сводный характер. Два списка — Q.XV.49 и Тит. 3853 — в своих отношениях к другим русским текстам разделяются каждый на две части, так что в начале рукопись сходна с одним видом или с конкретной рукописью, а начиная с какого-то места — совсем с другим. Так, в Q.XV.49 первая половина текста скорее всего отражает украинскую редакцию Сербской Александрии;⁷ например, в этой рукописи на Афинском царстве Александр оставил своего воеводу Влафиана, в Риме царем поставил Поликратуша, в Трое — Селевка, — все это читается в украинской редакции, в русских же и в южнославянских текстах ни в Афинах, ни в Трое Александр никого не оставляет, а в Риме царем становится Ламаидуш. Вторая часть текста — это текст Ефросиновского вида: есть «ангел», Филон — наместник и Птоломей — спутник, эпизод «Аристотель в Вавилоне» читается точно так же, как и в Ефросиновском виде. Возможно, что эта рукопись была переписана с оригинала, состоявшего из двух разных рукописей, как например Q. XVII. 252 (о ней ниже). То же можно сказать и о рукописи Тит. 3853. До рассказа о сражении с одноногими людьми она похожа на рукопись Вяз. Q.71 (Мышецкой группы), затем сходна с Ефросиновским видом.

В остальных 5 списках — Q.XVII.223, Явор. 41, БАН, 17.11.2, 38.2.20, Пух. 6 — нет такого разделения, но в каждом из них на протяжении всего текста встречаются чтения то Ефросиновского вида, то Мышецкой группы. В них, как правило, нет пропусков, свойственных Ефросиновскому виду (например, «Змия»), и одновременно могут быть такие признаки этого вида, как книга «о разорении Иерусалима», «ангел», «пернатые орлы», «органы» и др. Встречаются удвоения, например: «. . паче перяных зерен и паче пернатых орлов», Александр снимает одежды до

⁷ Издана в кн.: С. Гаевський. Александрия в давній українській літературі. Пам'ятки мови та письменства давньої України, т. III. Давня українська повість, ч. I. Київ, 1929.

пира у Дария и в конце пира; такие удвоения дают основания считать текст рукописи, в которой они читаются, сводным (вторичным), зависящим и от Ефросиновского вида, и от текстов Мышецкой группы.

Последние 5 рукописей — НСРК 1944.186.Q, ДА. 298, БАН, 28.6.37. Тек. пост. 614 и Q.XVII.252 — неполные. Кроме Q.XVII. 252, это разных размеров части рукописей; самая маленькая (28.6.37) содержит всего два листа текста. Единственное, что можно сказать о них — что это тексты Сербской Александрии.

К числу неполных относим и Александрию в сборнике Q.XVII. 252, занимающую 130 листов, поскольку здесь не одна рукопись, а две части совсем разных рукописей, переплетенные вместе: 1) лл. 1—46 и 126—130 (начало и конец романа) написаны одним и тем же почерком; для этой части характерны надписи на верхнем поле листа: «Александр» — на оборотной стороне и «Македонский» — на лицевой стороне листа; 2) лл. 47—122 написаны попеременно двумя почерками; очень многих листов недостает.

Между частями большие пропуски. Первая часть совершенно сходна с текстом Сол. 1171/1062 (Мышецкой группы), а вторую по второстепенным признакам можно отнести к Ефросиновскому виду (главные определяющие Ефросиновский вид признаки находятся в начале — «Змий», книга «о разорении Иерусалима» и в конце романа — «ангел», т. е. в первой части Q.XVII. 252).

В результате просмотра рукописей подтверждается вывод о существовании единого оригинала русской редакции: списки, рассмотренные в этой статье, как и списки Ефросиновского вида, несомненно восходят к одному протографу. А поскольку этот протограф восходил к какому-то южнославянскому тексту, то при рассмотрении рукописей южнославянские списки — условно — можно отождествить с протографом русской редакции.

Каковы же отношения между Ефросиновским видом, Мышецкой группой и южнославянскими текстами? Если выделить из Ефросиновского вида и из Мышецкой группы ту часть их текста, которая соответствует южнославянскому тексту, и сравнить их, то окажется, что часть Ефросиновского вида короче и целиком входит в часть Мышецкой группы. Поясню это на примере пропуска в эпизоде «Аристотель в Вавилоне». В обоих текст письма Олимпиады прерывается незадолго до конца, затем в Мышецкой группе идет непонятная фраза о золоте, о даянх (или история о старом персе) и дальнейший текст совершенно сходен с южнославянским, а в Ефросиновском виде письмо закончено (но окончание иное), а затем следуют 4 рассказа в другом порядке, чем в южнославянском тексте. Если сравнить эти эпизоды в Ефросиновском виде и в Мышецкой группе, то сразу видно, что текст Мышецкой группы целиком включает в себя текст Ефросиновского вида (за исключением окончания письма) и что текст Ефросиновского вида представляет собой лишь часть текста из Мышецкой группы, — поэтому из чтения Мышецкой группы можно получить чтение Ефросиновского вида, а наоборот — нельзя. Следовательно, либо текст Мышецкой группы предшествует Ефросиновскому виду, либо он появился в результате дополнения и исправления текста Ефросиновского вида по какому-то южнославянскому списку. Предположим, что имело место такое исправление. Но как хорошо и одновременно как плохо выполнил редактор эту работу! Хорошо — потому, что в текстах Мышецкой группы нет повторов, удвоений, что может выдать правку: например, он догадался, что «пернатые орлы» — ошибочное чтение, а не дополнение к зернам перца. Но он же оставил пропущенным письмо царя Архидона, несколько более мелких пропусков (пропуск «Змий» заполнил), недостаточно хорошо исправил

эпизод «Аристотель в Вавилоне». Нужно предположить тогда, что этот редактор не только из двух вариантов почти всегда выбирал южнославянский, но и не включал в свой текст дополнений, которые есть в Ефросиновском виде и которых нет в южнославянском тексте, например ангела, унесшего душу Александра. Почему же он попросту не переписал южнославянский текст, если русский текст ему настолько не нравился? Отсутствие в тексте Мышецкой группы следов редактирования и исправлений дает основания предполагать, что текст этой группы ближе к протографу русской редакции, чем Ефросиновский вид.

Но не может ли оказаться, что один из списков, не относящихся ни к Ефросиновскому виду, ни к Мышецкой группе (Q.XVII.223, Q.XV.49, Тит. 3853, Явор. 41, БАН, 17.11.2, 38.2.20, Пух. 6), представляет собой не вторичное сведение двух вариантов в один, а исходный тип, близкий к протографу, и что от него произошли и Ефросиновский вид, и Мышецкая группа: Ефросиновский вид возник в результате дальнейших изменений и удалений от южнославянского текста, а текст Мышецкой группы, напротив, — результат вторичного сближения с южнославянским текстом? Однако есть два соображения против этого мнения: во-первых, опять необходимо предполагать правку, а во-вторых, таких рукописей (с некоторыми чертами Ефросиновского вида и некоторыми — Мышецкой группы) несколько, при этом они различаются, в одних — одно сочетание черт, в других — другое; таким образом, тот факт, что сведение разных вариантов все-таки было, не требует доказательств.

Все эти выводы имеют характер предварительных, поскольку дальнейшая работа с ленинградскими и московскими списками может, конечно, их изменить: что-то, возможно, будет отвергнуто как неверное, а другое, сейчас лишь предполагаемое, получит подтверждение.